

*Посвящается моей матери, которая,
как мне представляется, была добра
к музыкантам в детском саду*

Пролог

Ньюйоркцы — большие мастера делать вид, что ничего не замечают. Они игнорируют тех, кто докапывается до других пассажиров в метро, людей, расхаживающих с питонами на плечах, и всех, кто предлагает вместе пообедать на Таймс-сквер.

Но в знойный августовский полдень, когда город превратился в сплошной жаркий пузырь, женщина в шубе до пят, бежавшая по Мэдисон-авеню, прямо-таки требовала к себе внимания. Пока она неслась мимо в своем норковом коконе, истекающие потом посетители уличного кафе на Восточной девяносто четвертой улице не могли не пялиться на нее.

Не исключено, отчасти из-за запаха, исходившего от несвежего чернильно-черного меха, который она нацепила. К этому амбре примешивалось еще что-то тошнотворно-сладкое и неприятное. Рвота. Ее остатки запеклись корочкой вокруг рта женщины. Засохшие брызги застряли в волосах. Она не была похожа на человека, для которого этот запах был бы обычным. Судя по виду, деньги у нее имелись.

Может быть, все дело в гламурной детской коляске, которую она толкала перед собой. Коляска, этакий детский эквивалент «порше», плавно скользила по тротуару, только без ребенка внутри.

А может быть, все из-за толпы злобных теток, что гнались следом.

Впоследствии, когда средства массовой информации только начинали истерию по поводу так называемых Ядовитых Мамашек на Парк-авеню, один свидетель заявил репортерам, мол, с самого начала понял — эти дамочки опасны. Он почувствовал это сразу, как увидел их, даже до того, как они запрокинули головы и хором завопили...

Глава первая

Вообще-то Клэр Мартин не собиралась кидаться под автобус. Если бы она упала как подкошенная и автобус выбил бы из нее дух, это событие не стало бы самым ужасным в мире.

По крайней мере, если бы она сейчас парила в вечном небытии, то ей не пришлось бы слышать песни группы «Бродяги» из каждого занюханного нью-йоркского бара. В четвертый раз это произошло вскоре после Нового года, когда Клэр сидела на высоком барном стуле в Верхнем Вест-Сайде, подчиняясь своему новому веселому ритуалу «напиться-и-забыться». Она наконец дошла до приторно-сладкого переломного момента, когда резкая ненависть к себе размякла, став похожей на желе, рядом замаячил кудрявый парень, и тут из динамиков раздалось начало узнаваемой песни «Глаза Айдахо», такое же резкое и вызывающее ярость, как мелодия будильника в «Дне сурка».

Она оторвалась от новой перспективы и перегнулась через барную стойку.

— Эй! — окликнула она бармена, который в ответ поднял палец, не прерывая разговора с посети-

телем средних лет, сидевшим через пару барных стульев от нее. Клэр на автомате отстучала на барной стойке запоминающееся начало песни, но тут же спохватилась и сжала ладонь в кулак. — Э-э-эй!

— Что? — сердито спросил бармен.

Клэр посмотрела на него, пытаясь сфокусировать взгляд. Это был здоровый хмурый мужик, похожий на медведя, его фигура тревожно расплывалась по краям.

— Можно перемотать эту песню?

— Нельзя, — отрезал бармен.

Клэр хотела было уйти, но Кудрявый заинтриговал ее, а тактика «трахнуться-и-забыться» нравилась не меньше варианта «напиться-и-забыться». Она сглотнула, затем одарила бармена обаятельной, как она надеялась, улыбкой.

— Ну пожалуйста! Я была бы очень признательна!

Ее улыбка такая яркая и очаровательная, что в прошлом служила валютой и творила чудеса. В первые дни гастролей с этими самыми «Бродягами», томясь в микроавтобусе, который было не на что заправлять, музыканты потешались над ее улыбкой и отправляли в круглосуточные магазины, чтобы она добыла им что-нибудь перекусить в дорогу. Но этот бармен остался равнодушным. Он скрестил волосатые руки на груди.

— Мой бар — мой плейлист.

Клэр стиснула зубы, когда первый куплет плавно перешел в припев. Сидевшая рядом парочка начала танцевать, они в голос подпевали, а мужчина смотрел на свою спутницу с неподдельной лю-

бовью. В такие моменты Клэр думала, что, возможно, Бог действительно существует, но он не какая-то доброжелательная сущность и не строгий отец, а скорее ведущий шоу розыгрышей, только всеведущий. Бог в стиле Эштона Кутчера. Она сделала еще один большой глоток виски.

— Не козлы, приятель, — проворчала она, когда бармен отвернулся. — Клиент всегда прав, верно?

— Я клиент, и мне нравится эта песня, — заметил мужчина средних лет с дальнего конца барной стойки.

— А зря, — буркнула Клэр, ощущая рвотный позыв. — Это просто триндец.

Она сделала пару неглубоких вдохов, чтобы справиться с паникой, и тут из динамиков донеслись голоса Маркуса и Марлены, слившиеся в гармонии. Черт возьми, они хорошо звучали вместе.

Посетитель средних лет, по-видимому завсегдатай этой дыры, скривился и понурился. Бармен заметил это, вытащил телефон и сунул прямо под нос Клэр, чтобы продемонстрировать песню, игравшую в приложении «Спотифай». Его палец завис над кнопкой перемотки на следующий трек. Затем он сознательно прибавил громкость. Звук стал таким оглушающим, что Клэр задохнулась. Она резко подалась вперед, чтобы отобрать у него телефон.

Когда бармен без всяких сантиментов выставил ее на морозную январскую ночь, Клэр поняла, что, возможно, безопаснее было пить в одиночестве в собственной квартире.

Через месяц ей позвонила двоюродная сестра Тея.

— Ну что, как ты там, упиваешься страданиями?

— Не думаю, что это подходящее слово, — процедила Клэр. — Звучит так, будто это мне доставляет удовольствие. Думаю, когда твоя группа добивается суперизвестности сразу после того, как избавилась от тебя, — это отличный повод стать затворницей.

Тея в ответ промычала что-то невнятное.

За последние пару лет Клэр провела так много времени в дороге, что единственное требование к жилью формулировалось так: квартира без соседей, где можно с порога снять штаны и завалиться в постель. Какая разница, что в ее «кухне» хватает места только для мини-холодильника и плиты? Она не собиралась готовить для себя любимой обед из пяти блюд. Кого волновало, что решетки на окне почти не пропускают дневной свет или что плакаты она приклеивает к стене скотчем, а не вешает в рамочку? Но теперь, выглянув из-под одеяла, Клэр обвела глазами крошечную студию, стопки коробок из-под пиццы, в которых начала расти плесень, баррикаду пустых пивных банок, разорванные обрывки записки от родителей: «Ты всегда можешь вернуться домой. Иисус прощает, и мы простим».

— Упиваюсь со страшной силой, — сообщила она.

— Ну, тогда подымайся. Я нашла тебе работу.

Даже в детстве в маленьком городишке в Огайо Тея умела все разрулить. Кинув клич среди всех соседских ребятишек из их замшелого района, она

набирала команды по кикболу*. Она приставала ко взрослым с пламенными речами, пока те не соглашались принести что-то на церковную распродажу выпечки. А потом, когда родители обнаружили, что она лесбиянка, и пригрозили выставить за дверь, если она не согласится на программу коррекции, Тея, не теряя времени даром, получила полную стипендию в Гарварде и уехала из дома на собственных условиях.

— Работу? Какую еще работу? — спросила Клэр.

— Петь детские песенки будущим директорам всея Америки. Какая-то тетка по имени Уитни Морган сделала рассылку по Гарварду. Ищет музыканта для прогулочной группы, типа домашнего детского сада. Я пела тебе дифирамбы.

Клэр закусила губу.

— Очень мило с твоей стороны, Тея, но таким я занималась лет пять назад. Не знаю, хочу ли я...

— Сколько у тебя осталось на банковском счету? — перебила Тея.

— Э-э-э... — протянула Клэр. Вынырнув из постели слишком быстро, из-за чего немного закружилась голова, она включила комп и проверила баланс. Когда же увидела, что спираль саморазрушения сотворила с ее сбережениями, во рту у нее пересохло: она уже просрочила квартплату, потому что закончились почтовые марки, а сил, чтобы пойти и купить новые, не было совсем. Но как только она отправит чек, банковский счет станет двузначным. Она откашлялась. — Какой адрес?

* Игра типа бейсбола, но для детей младшего школьного возраста. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

— Пришлю эсэмэской, — сказала Тея.

— Спасибо, — пробормотала Клэр.

— Мне не плевать на тебя, сестренка, — сказала Тея, и в голосе прозвучала нотка нежности. — Ты же не можешь вернуться в христианское братство «Священная жизнь». Мы оттуда свалили.

— Угу.

— И вот еще, Клэр. Перед собеседованием, пожалуйста, прими душ, — велела Тея. — От тебя пахнет даже по телефону.

Конечно, в здании с фасадом из известняка, расположенном на границе Верхнего Ист-Сайда и Центрального парка, просто обязан быть швейцар. И сейчас этот сморщенный мужичок в зеленой форме таранился на Клэр, пока та переводила дыхание и вытирала пот со лба. За тот месяц, что она провела, шатаясь по квартире, как нетрезвое привидение, Клэр забыла, насколько непредсказуемой может быть система метро Нью-Йорка, и в конечном итоге часть пути пришлось бежать с тяжелой гитарой за спиной, придававшей ее походке грацию неуклюжего пингвина.

— Пентхаус Б, — запыхавшись, сообщила она, и швейцар снял трубку с телефона на стойке, чтобы позвонить. Пока он передавал сообщение кому-то на другом конце провода, Клэр еще раз посмотрела на часы. Двухминутное опоздание. Для нее это рекорд пунктуальности, однако Время Богатых течет иначе, чем у Очаровательно Взбалмошных Творческих Личностей.

Швейцар направил ее к великолепному лифту с зеркальными панелями и мраморными вставками. По дороге на двадцатый этаж Клэр взяла себя в руки. Она знала, как все пойдет. Когда она впервые переехала в Нью-Йорк, то подрабатывала преподавателем музыки для детей в одном из процветающих детских центров, решив, что это увлекательный способ заработать немного денег, пока она стремится к тому, чем *действительно* хочет заниматься. Вместо этого пришлось столкнуться с толпой скучающих богатеньких мамаш, одетых как на занятие по йоге, но увешанных брюликами, которые обсуждали Клэр и ее коллег, попеременно то игнорируя своих детей, то фиксируя каждое их движение на телефоны. Каким-то образом эти женщины умудрялись выхватывать детали, чтобы потом в подробностях жаловаться администратору на различные эпизоды. Однажды Клэр назвала ребенка не его именем, и мать посмотрела так, будто она гуляющая девица, только что продемонстрировавшая татушку «Я ♥ бен Ладена». Идеальный рецепт, чтобы ощутить себя никчемной. И чтобы... утратить чувство реальности.

В длинном коридоре было всего две двери, одна с буквой «А», а другая с буквой «Б». Клэр наклеила улыбку и постучала во вторую. Десять секунд спустя дверь распахнулась, и за ней стояла одна из самых красивых женщин, каких Клэр когда-либо видела. Первое, что пришло на ум: женщина в дверном проеме весьма аутентично смотрелась бы на картине, изображавшей европейскую знать восемнадцатого века. Живущая в уединении французская

принцесса с алебастровой кожей, розовыми щеками и лебединой шеей.

На ней была кремовая блуза с жабо (Клэр обычно называла все подряд рубашками, но тут не прокатит, это была именно *блуза*). Однако самым прекрасным в почти идеальной женщине были волосы: шелковистые и неестественно блестящие, как будто она украдала гриву ухоженной выставочной лошади.

— Клэр? — спросила красавица.

— Ага. Привет. — Клэр помахала рукой. — Простите, я на пару минут опоздала. Поезда...

Уголки пухлых губ женщины опустились.

— Мы здесь не терпим опозданий. Так что тебе лучше вернуться домой.

Черт! У Клэр перехватило дыхание от внезапного осознания, что ей и правда придется вернуться *домой*, причем не просто в квартирку. Придется ехать обратно в Огайо. Двадцативосьмилетняя неудачница живет в бывшей детской, если родители не переоборудовали ее под рабочий кабинет или что-то в этом духе. Другие члены церковной общины будут сочувственно качать головами, но в глубине души считать, что она получила по заслугам за свои грехи.

И тут женщина рассмеялась. Смех ее был теплым, похожим на перезвон колокольчиков, и даже воздух вокруг них изменился.

— Я шучу! — воскликнула она, а затем заметила выражение лица Клэр. — О, нет, твое лицо! Это было жестоко! Прошу прощения!

— Погодите... Что? — промямлила сбитая с толку Клэр. — Я думала...

— Я не хотела... Забыла, что тебе, скорее всего, постоянно приходится иметь дело именно с такими занудами. Все нормально. Мы даже не заметили никакого опоздания. — К огромному удивлению Клэр, красавица сделала шаг вперед и обняла ее. Грудь хозяйки пентхауса уперлась Клэр в ключицу. От женщины исходил легкий лавандовый аромат. Клэр расслабилась, самую чуточку, из-за этой неожиданной близости, ее впервые кто-то обнимал за целый месяц. — Мы очень тебя ждали! Я Уитни. Входи скорее!

В прихожей Клэр скинула ботинки и поставила их рядом с аккуратным рядом тувель на каблуках. Уитни засыпала ее вопросами: «Как вы добрались? Не хотите ли пить? Нормальна ли такая температура?» Не переставая щебетать, Уитни взяла Клэр за руку и проводила к двери в гостиную. Все было белым. Ну, не совсем белым, а с серебряными и хромовыми вставками, чистыми, как лед. Панорамное окно во всю стену открывало вид на деревья в Центральном парке, голые и влажные от тающего снега. Потолок был выше обычного, как если бы квартира простиралась на полтора этажа, а не занимала только один, как и остальные.

Две женщины с бокалами в руках сидели на белом кожаном диване, две другие стояли у низкого столика, пытаясь уговорить парочку малышей встать и взять лежащие на нем фрукты. Еще одна дама сидела в центре комнаты на клетчатом коврике, и целая толпа детишек копошилась вокруг нее, как муравьи на пикнике. Вот они — потенциальные подопечные Клэр.